

Эхо

Genius Свой

Genius СВОЙ

Эхо

«Автор»

2026

Свой Г. Ч.

Эхо / Г. Ч. Свой — «Автор», 2026

Киран Рид не может связать и двух слов. Его заикание — проклятие, из-за которого он стал изгоем в приюте. Но однажды, в порыве ярости, он произносит странный, спотыкающийся звук — и обидчика отбрасывает к стене невидимой силой. Так Киран узнаёт, что он — Лексер. Один из тайного общества людей, чья речь способна менять реальность. За ним начинают охоту Пуристы Слога — те, кто верит, что любое отклонение от «чистого» языка должно быть стёрто. Вместе с ними Кирану предстоит узнать: его дефект — не слабость. Это ключ к силе, которой боятся даже боги. Потому что в мире, где властвует Слово, настоящая мощь живёт в Паузе. «Эхо» — первая книга цикла «Хроники Лекса». История о том, как недостаток может стать оружием, а молчание — самым громким криком.

© Свой Г. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эхо

Глава 1.

Слово, упавшее в пыль

Сентябрьский дождь хлестал по окнам Приюта Святого Иуды с методичностью надзирателя, совершающего обход. Дождь здесь, в промозглом городишке Блэквуд-на-Топи, был не событием, а состоянием. Он не шёл — он жил здесь, пропитывая собой всё: серые, как голубиный бок, стены приюта, ржавые прутья ограды, чахлые кусты, которые никогда не цвели, и саму душу, если верить, что она есть у каждого.

Влажность была такой, что простыни никогда не просыхали до конца, а хлеб за обедом казался влажной губкой.

Кирану Риду только что исполнилось тринадцать. Эту дату он отметил, стоя в углу наказаний под лестницей — пыльном чулане без окна — за «несанкционированное использование казённой воды». На самом деле он всего лишь хотел смыть грязь с единственной фотографии, но завхоз, мистер Крэбб, с его вечно трясущимися, словно у ищейки, ноздрями, учуял «преступление».

Сейчас, час спустя, Киран сидел на подоконнике общего коридора третьего этажа, поджав колени к груди и безучастно глядя на дождь. Он был тощим мальчиком, которого одежда всегда словно бы стеснялась. Рыжевато-каштановые волосы, давно забывшие, что такое стрижка, а не обрубание тупыми ножницами, торчали во все стороны, напоминая взъерошенного воробья. Острый подбородок, бледная, почти прозрачная кожа, на которой, казалось, можно было разглядеть не только вены, но и мысли, слишком быстрые и тревожные.

Но самой примечательной чертой, его проклятием и тайной, были глаза. Разного цвета. Левый — болотно-зелёный, спокойный, как стоячая вода. Правый — светло-карий, почти золотой на свету, и в нём, если долго всматриваться, будто тлел уголёк беспокойства. Дети дразнили его «Рыбьим Глазом». Взрослые, встречая его взгляд, отчего-то смущались и отводили глаза, словно видели нечто неприличное.

В руках он держал её. Фотографию. Грязную ладонь он сжимал только что, но снимок всё равно не стал чётче. Время и сырость сделали своё дело. На нём угадывались две фигуры — мужчина и женщина, стоящие перед каким-то высоким зданием, похожим на библиотеку с колоннами. Лиц было почти не разобрать, лишь силуэты, размытые дождём времени. Но за их спинами, словно вытканый из воздуха и света, сиял причудливый знак. Он напоминал запятую, которая решила отрастить корни и стать деревом, или, может быть, изогнутый язык пламени.

Этот знак всегда притягивал взгляд Кирана. От него веяло теплом.

— Кто вы? — мысленно спросил он, как делал это тысячу раз. — Почему вы оставили меня здесь?

Фотография, конечно, молчала.

Грохот шагов вырвал его из оцепенения. Он инстинктивно, как зверёк, почуял опасность. Трое. Маркус Флинт (простое совпадение фамилий, но какая насмешка судьбы!) со своими прихвостнями, Билли и Томом, направлялись к нему. Маркус был широк, как платяной шкаф, и обладал исключительным талантом находить чужую боль и давить на неё. Ему было четырнадцать, он был королём этой клетки для детей, и его власть была основана на простом и действенном принципе: «Ты слаб, я силён, дать сдачи не можешь — значит, терпи».

— О, Рыбий Глаз мечтает о своих никчёмных предках, — пробасил Маркус, останавливаясь в паре шагов. Его глаза-бусинки заметили фотографию. — Дай-ка глянуть.

— Н-н-не т-трогай, — голос Кирана сорвался, запнувшись на самом простом слове. Заикание, его второе проклятие, всегда выползало наружу в минуты волнения, превращая любые слова в ловушку. Он ненавидел это больше всего. Больше сиротства, больше одиночества. Это было как заикание самой его судьбы.

— «Н-н-не т-трогай», — передразнил Маркус, и его дружки заржали. Ржание было тупым, механическим, без капли настоящего веселья. — А что? Заикой меня заговоришь до смерти?

Маркус вырвал фотографию из рук Кирана. Раздался треск. Кусок плотной бумаги, уголок, остался в руке мальчика. Остальное — в руках мучителя.

Внутри Кирана что-то оборвалось. Не нить, а целый канат. Всё, что у него было. Единственная связь с миром, где, возможно, его любили. Мир сузился до этого треска и наглой ухмылки. Гнев — чистый, белый, нечеловеческий гнев — затопил его. Он не думал. Он не выбирал слова. Слова сами рванулись наружу, из того места, где рождаются не мысли, а первичный хаос.

Он почувствовал, как его горло сводит судорога, как язык прилипает к нёбу, отказываясь подчиняться. Он хотел закричать: «Отдай!», но звук застрял где-то на полпути, превратившись в гортанный, вибрирующий звук, нечто среднее между «О» и «Д». Звук был не громким, но необычайно плотным. Воздух вокруг Кирана словно сгустился, стал стеклянным.

И тогда случилось это. Из его горла, с этим чудовищным усилием, вырвалось не слово. Это был даже не звук, а, скорее, его форма, его тень, облечённая в непонятную силу. Это было похоже на «Ама-эт-Тхэ-а-ар». Слоги, спотыкающиеся друг о друга, рождённые его заиканием, но скреплённые яростью.

В коридоре не было ветра. Но Маркуса Флинта, весящего под семьдесят килограммов, отбросило назад, словно он был пустым полиэтиленовым пакетом, подхваченным ураганом. Он пролетел добрых пять метров и врезался в стену рядом с пожарным краном. Звук удара был глухим и влажным. Фотография выпорхнула из его ослабевших пальцев и, кружась, словно раненый лист, опустилась в лужицу света на полу.

На секунду повисла мёртвая, абсолютная тишина. Даже дождь за окном, казалось, притих. Билли и Том смотрели на Кирана с выражением животного ужаса. Они не видели, что произошло, но они это почувствовали. Почувствовали, как мироздание на мгновение прогнунлось под весом невыговоренного слова.

А Киран смотрел на свою правую руку. На тыльной стороне ладони, там, где раньше была только бледная кожа, проступал знак. Точная копия того, что был на фотографии. Искрящаяся золотая запятая, растущая, словно огненный росток. Она не была нарисована. Она была внутри, под кожей, и светилась своим собственным, живым светом. Боль была не физической, а смысловой. Словно какая-то дверь, которую он и не подозревал, захлопнулась за ним, отрезав путь назад.

Тишина взорвалась воплем Маркуса.

Киран, движимый инстинктом, схватил остатки фотографии и бросился бежать. Вниз по лестнице, через обеденный зал, пахнувший кислой капустой и карболкой, к чёрному ходу. Он выскочил под дождь и побежал, не разбирая дороги, к единственному месту, где мог спрятаться, — к старой, брошенной голубятне в дальнем углу сада.

Там, в холоде и сырости, среди паутины и запаха старого дерева, он забился в угол и, тяжело дыша, уставился на свою ладонь. Знак всё ещё был там, но свет его медленно угасал, словно засыпающий уголёк. Он не знал, что это значит. Но впервые в жизни, чувствуя этот затухающий жар в руке и эхо того странного, спотыкающегося слова в голове, он не чувствовал себя пустым. Он чувствовал себя опасным.

И это пугало и пьянило одновременно.

Он не видел, как на крыше соседнего здания напротив дождь на мгновение исказил воздух и из этой ряби соткалась фигура. Высокий человек в длинном, намокшем плаще смотрел на голубятню. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, застыло выражение скорбного, усталого удивления. Он вытащил из кармана устройство, похожее на старинный серебряный портсигар, но с множеством маленьких линз и циферблатов. Стрелки на нём дрожали.

Человек тяжело вздохнул.

— Ошибка в Протоколе, — прошептал он в пустоту. Его голос был похож на шуршание старых страниц. — Какая неожиданная, пугающая и прекрасная ошибка.

Он убрал прибор, и его фигура вновь стала таять, расплываться дождевыми струями, пока не исчезла совсем. Тайна Кирана Рида больше не принадлежала только ему. Охота началась.

Глава 2.

Человек в серебряном плаще

Киран не помнил, сколько просидел в голубятне. Время текло, как холодная патока. Дождь сменился мелкой, въедливой моросью, затянувшей мир серой марлей. Он смотрел на свою руку. Знак исчез, не оставив и следа. Только бледная кожа, тонкая сетка голубых вен и никакого намёка на золотой огонь.

Может, почудилось? Может, удар током от старой проводки? Но он знал — нет. Он чувствовал это костями, тем местом в груди, которое прежде было пустым, а теперь болело, как болит заживающая рана.

Он достал из кармана обрывки фотографии. Уголок с частью огненной запятой и обрывок женского рукава. Всё, что осталось от его прошлого. Ярость вспыхнула снова, но теперь она была холодной, как сталь. Маркус Флинт заплатит. Он ещё не знал как, но заплатит.

Выбираться из голубятни пришлось, когда голод стал невыносимым. Киран прокрался обратно в приют через незапертое окно прачечной. Внутри пахло сыростью и дешёвым мылом. Он ожидал криков, наказания, но в коридорах было непривычно тихо. Слишком тихо.

Он заметил их краем глаза. Двое. Они стояли у главного входа, разговаривая с директрисой, мисс Торн. Это были не полицейские, не социальные работники. От них веяло чем-то иным. Оба в длинных, несмотря на дождь, абсолютно сухих плащах цвета мокрого асфальта. Один — низенький, квадратный, с бледным, ничего не выражающим лицом, как у восковой фигуры. Второй — высокий, смуглый, с очень коротко стриженными седыми волосами и глазами, которые, казалось, не моргали. Они сканировали пространство.

Кирана словно ледяной водой окатили. Эти люди искали его. Не Маркуса, не Билли — его. Он это знал так же точно, как знал, что правая рука у него чешется к дождю. Инстинкт загнанного зверя заставил его нырнуть в боковой коридор, ведущий к кухне.

Весь день он провёл как в тумане, вздрагивая от каждого звука. Незнакомцы ушли только к вечеру, но их присутствие, казалось, пропитало стены. За ужином Маркус не смотрел на Кирана. Он сидел сгорбившись, с пластырем на затылке, и молча ковырял свою тарелку. Его прихвостни тоже помалкивали. Это была маленькая, пугающая победа, отдающая горечью.

Ночью, когда приют затих, Киран лежал без сна и смотрел в тёмный потолок. Он пытался понять, что же он сделал. Он перебирал в памяти тот момент, тот звук, что вырвался из него. Это было как пытаться вспомнить забытый сон — чем больше он напрягался, тем быстрее ускользали детали. Но он точно знал: это было слово. Непонятное, чужое, но слово. И оно подчинилось его ярости, его желанию.

Внезапно тишину ночи разорвал звук. Не скрип двери и не завывание ветра. Это был голос. Чёткий, ясный, совершенно не вписывающийся в этот час и это место. Он звучал не снаружи, а словно бы из воздуха в его комнате.

— Киран Рид, — произнёс голос. Это был не вопрос. Это была констатация факта. — Не шевелитесь и не производите ни звука. Ваша жизнь зависит от этого.

Киран замер. Сердце колотилось так, что, казалось, способно проломить рёбра. Воздух в углу комнаты сгустился, пошёл рябью, как над горячим асфальтом. Из этой ряби шагнул человек. Он был высок и неестественно худ, словно его тело состояло из острых углов и прямых линий. Его плащ был не чёрным и не серым, а цвета старого серебра, которое уже начало темнеть от времени. По всему плащу, от воротника до подола, змеились вышитые серебряной нитью строки. Они двигались, перетекали, меняли очертания букв. Это были не просто узоры — это были живые тексты.

Лицо человека было изрезано морщинами, но не старческими, а теми, что оставляют бессонные ночи и тяжёлые думы. Глаза, тёмные, глубоко посаженные, смотрели на Кирана с

выражением, которое мальчик не мог расшифровать. Там были тревога, надежда и что-то ещё, похожее на узнавание.

— Времени мало, — быстро, почти скороговоркой, произнёс человек. — Они уже здесь. «Редакторы». Вы засветились, мой мальчик. Так ярко, что вас видно за три континента. Ваш выброс был зафиксирован.

— К-к-кто вы? — выдавил из себя Киран, ненавидя своё заикание в этот момент больше, чем когда-либо. — Ч-что вам н-нужно?

Человек чуть склонил голову набок, изучая его.

— Моё имя Орсон Флинт. Мастер Лекса третьей степени, кафедра Аномальной Фонетики Атенеума. И я здесь, чтобы спасти вас от участи худшей, чем смерть. — Он говорил всё это будничным тоном, словно речь шла о покупке булочки. — А теперь, прошу вас, молчите. Буквально. Не произносите ни единого звука. Ваш дар нестабилен. Любая сильная эмоция может спровоцировать новый инцидент. А второй инцидент они уже не пропустят.

Орсон Флинт извлёк из складок плаща небольшой предмет. Это был камень, но не простой. Он был матово-чёрным, идеально круглым, и внутри него, словно жидкий дым, клубилась тьма. По поверхности камня были вырезаны тончайшие символы, которые слабо светились синим.

— Это Поглотитель Эха, — пояснил он, заметив взгляд Кирана. — Он на время заглушит ваш след. Надеюсь.

Он положил камень на пол в центре комнаты. Символы на нём вспыхнули ярче, и по комнате пронеслась беззвучная волна. Киран почувствовал, как заложило уши, будто он резко нырнул на глубину. Все звуки исчезли. Не просто стали тише, а пропали совсем. Он слышал только своё дыхание и стук сердца. Тишина была абсолютной, вакуумной. Но она была не мёртвой. В ней чувствовалась защита.

— Теперь слушайте, — беззвучно, одними губами, произнёс Орсон Флинт, но Киран каким-то образом понимал каждое слово. — То, что вы сделали, называется Спонтанный Тектонический Выброс. Проще говоря, вы, не имея ни малейшего понятия о Законах Лекса, произнесли Слово Силы. Да ещё какое! «Ама-эт-Тхэа-ар». Прерывающий Императив третьего порядка. Это слово не должно работать в устах ребёнка. Оно вообще не должно работать без предварительной Калибровки Воли. А у вас оно не просто сработало — оно отбросило вашего обидчика с силой тарана.

Киран слушал, и мир вокруг него начинал вращаться всё быстрее. Лекс? Слова Силы? Это звучало как бред сумасшедшего. Но он видел этот камень, этот плащ, этидвигающиеся тексты. И он помнил то, что сделал сам.

— Мир не таков, каким вы его знаете, Киран, — продолжал Орсон, его взгляд стал серьёзным. — Рядом с нашим, с миром Инкулов, Профанов, Непосвящённых — называйте как хотите — существует Альянс. Тайное общество тех, кто способен взаимодействовать с тканью реальности через Слово. Мы — Лексеры. Мы не колдуны и не маги. Мы — учёные, лингвисты, поэты и философы, постигшие фундаментальный принцип: в начале было Слово. И это не метафора.

Он сделал паузу, давая Кирану переварить услышанное.

— Ваш случай, однако, уникален и крайне опасен. Ваша сила проявилась не через обучение, а через аномалию. Ваше заикание — это не дефект речи. Это дефект проведения. Энергия Лекса, текущая через вас, спотыкается. И это создаёт непредсказуемые, хаотичные, но невероятно мощные резонансы. Вы — как треснувший колокол, который не может издать чистый тон, но способен породить звук, разбивающий камни. И за вами уже охотятся Пуристы Слога. Они называют таких, как вы, «Словесными Уродами» и верят, что единственный способ сохранить чистоту Лекса — это уничтожить источник, то есть вас.

В этот момент чёрный камень на полу завибрировал. Синие символы на нём замигали тревожно, как предупреждение.

— Они прошли первый барьер, — отрывисто бросил Орсон. — Быстрее, чем я думал. Уходим.

Он протянул Кирану руку. Длинные, бледные пальцы, испачканные чернилами.

— Вы пойдёте со мной, Киран Рид? Я не могу обещать вам безопасность. Но я могу обещать вам правду и шанс. Шанс стать тем, кем вам суждено, а не жертвой чужого страха.

Киран смотрел на эту руку. Вся его жизнь была здесь: убогая кровать, серые стены, дождь за окном. Но была ещё фотография, разорванная в клочья. И был огонь в правой руке. И было слово, которое споткнулось и изменило мир. Он посмотрел в глаза Орсона Флинта. В них не было лжи. Только усталая, вселенская грусть и странный, робкий огонёк надежды.

Киран молча кивнул и вложил свою бледную, всё ещё дрожащую руку в ладонь Мастера Лекса. Ладонь была твёрдой и тёплой.

Орсон скупно улыбнулся — первая улыбка, которую увидел Киран на этом изрезанном лице.

— Добро пожаловать в мир, где каждое слово имеет цену, — сказал он. — А теперь держитесь крепче. И что бы ни случилось — молчите.

Он вытащил из другого кармана небольшой флакон с серебристой жидкостью, больше похожей на расплавленный лунный свет, и одним движением разбил его об пол. Жидкость не разлилась — она взметнулась вверх, образуя светящийся, вращающийся портал. Внутри него не было ничего, кроме ослепительного, переливающегося света.

Орсон шагнул в него, увлекая за собой Кирана. В тот же миг дверь в комнату с грохотом слетела с петель, и в проёме показались двое в серых плащах, те самые, что были в приюте днём. Но было поздно. Портал схлопнулся с тихим, шелестящим звуком, оставив после себя лишь запах озона и остывающий чёрный камень на полу.

Пуристы Слога опоздали. Но ненадолго.

Глава 3.

Атенеум

Переход через портал был похож не на движение, а на потерю себя. На одно бесконечно долгое, ослепительное мгновение Киран перестал существовать. Не было ни тела, ни мыслей, ни времени. Он был звуком, который ещё не произнесли, буквой, не упавшей на бумагу.

А затем мир собрался заново, соткался из света и красок, и Киран, пошатываясь, стоял на твёрдой земле.

Первое, что он почувствовал, — тепло. Настоящее, живое тепло, а не сырую духоту Блэквуда. Второе — запах. Он пах солью, незнакомыми цветами и чем-то древним, как старые книги в библиотеке. Третье — свет. Мягкий, золотой, льющийся с безоблачного, немыслимо синего неба.

Они стояли на широкой каменной платформе, увитой плющом с мелкими, светящимися голубым цветами. Платформа парила в воздухе. Под ними, насколько хватало глаз, простирался океан. Но это был не мрачный, серый океан Блэквуда. Это была бескрайняя, живая бирюза, искрящаяся под солнцем. Волны мягко накатывали на скалистые берега островов, разбросанных внизу, словно драгоценные камни.

Но самое удивительное было впереди.

Там, в центре архипелага, возвышался главный остров. Он не лежал на воде — он парил над ней, огромный, величественный, словно корона мира. Весь остров был одним гигантским городом-крепостью, построенным из белого, слегка светящегося камня. Здания не были похожи на небоскрёбы или замки. Это были изящные, многоярусные спирали, ажурные арки, парящие террасы, соединённые мостами из света. И повсюду, куда ни глянь, были слова. Они были вырезаны на стенах, выложены мозаикой на площадях, они струились в воздухе светящимися строками, словно само пространство здесь было исписано невидимой рукой.

Это был не просто город. Это была трёхмерная, живая рукопись.

— Добро пожаловать в Атенеум, — голос Орсона Флинта звучал почти буднично, но в нём слышна была гордость. — Центр Знаний Альянса. Наш дом и наша крепость.

Киран не мог вымолвить ни слова. Заикание тут было ни при чём. Просто слов не было. Он, проведший всю жизнь в серых, унылых стенах приюта, смотрел на воплощённую мечту. Город, сотканный из языка и света.

Орсон повёл его по платформе к краю. Там, пришвартованный невидимым канатом, парил транспорт. Он напоминал гондолу, сплетённую из живого, светящегося дерева, а впереди, в воздухе, лениво взмахивая огромными, похожими на крылья плавниками, парил гигантский скат. Его кожа была тёмно-синей, усеянной созвездиями серебряных точек, а размах «крыльев» был не меньше десяти метров. Он смотрел на них умными, влажными глазами, в которых читалось спокойное достоинство.

— Манти, — пояснил Орсон, помогая ошеломлённому Кирану забраться в гондолу. — Основной транспорт Атенеума. Им не нужны слова, чтобы понимать. Они чувствуют интонацию.

Как только они уселись, манта плавно взмахнула плавниками, и гондола бесшумно заскользила по воздуху. Ветер, тёплый и ласковый, трепал волосы Кирана. Он смотрел вниз, и его сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Они пролетали над островами-факультетами. Орсон указывал на них.

— Видите тот остров, похожий на застывшую звуковую волну? Это Фонетика. Моя вотчина. Там изучают силу голоса, вибраций, ритма. То, что у вас в голове бардак, а у нас — точная наука. Дальше — Грамматика. Видите эти строгие, геометрические здания? Там учат законам построения речи, логике фраз, синтаксису реальности. Без них любой Лекс — просто

набор звуков. А вон там, где дома словно вырастают из гигантских чернильниц и кистей — Каллиграфия. Они работают с формой. Для них начертание иероглифа важнее его звучания. Написанное слово живёт дольше.

— А т-тот б-большой, в ц-центре? — выдавил Киран, указывая на главный парящий остров.

— А, это Семантика, — в голосе Орсона мелькнула нотка уважения, смешанного с профессиональной ревностью. — Самый сложный и непредсказуемый факультет. Там работают со смыслами. С тем, что лежит ЗА словами. С контекстом, подтекстом, метафорой. Говорят, они могут изменить прошлое, правильно истолковав одну фразу из древнего текста. Опасные люди. И гениальные.

Манта начала снижаться, направляясь к главному острову. Теперь Киран мог разглядеть детали. Улицы были полны людей. Лексеров. Они были одеты в плащи и мантии самых разных фасонов и цветов, многие, как и Орсон, носили одежду с вышитыми текстами. Кто-то нёс свитки, кто-то — диковинные инструменты, напоминающие астрольбии и компасы. В воздухе то и дело мелькали светящиеся символы — кто-то практиковался в Лексе. Одна девушка, смеясь, нарисовала в воздухе пальцем светящуюся бабочку, которая вспорхнула и, рассыпавшись искрами, уселась на плечо её спутнику.

Они приземлились на просторной площади перед величественным зданием, больше всего похожим на гигантскую спиральную библиотеку, уходящую в небо. Его стены были не из камня, а, казалось, из плотного, переливающегося света, в котором плавали буквы и символы на тысячах языков.

— Зал Регистрации, — сказал Орсон, спрыгивая с гондолы. — Сначала мы должны узаконить ваше существование здесь. Потом я отведу вас к Директору. Ей нужно на вас взглянуть.

Внутри Зала Регистрации пахло, как в старинной церкви, — ладаном, воском и вечностью. Огромный купол терялся в вышине, а пол был выложен мозаикой, изображающей Вавилонскую башню, но не разрушенную, а достроенную до самого неба.

За длинным столом, заваленным свитками и фолиантами, сидел древний старик в очках с таким количеством линз, что его глаза казались глазами стрекозы. Он поднял голову и уставился на Кирана.

— Новенький? — проскрипел он. — Имя?

— К-Киран Р-Рид, — с трудом произнёс мальчик. Он чувствовал, как его заикание усиливается под этим пристальным взглядом, как слова застревают в горле, словно кости.

Архивариус нахмурился, его линзы щёлкнули, меняя фокусировку.

— Дефект речи, — констатировал он без капли сочувствия. — Фонетическая аномалия четвёртой, а то и пятой степени. Не припомню такого в Атенеуме. За всю историю.

— Это не дефект, — спокойно, но с нажимом произнёс Орсон. — Это особенность. Запишите его на мой факультет, мастер Чан. На Фонетику.

— На Фонетику? Заику? — Архивариус пожевал губами. — Это вызов, Орсон.

— Я люблю вызовы, — отрезал Флинт.

После долгой процедуры, во время которой какая-то светящаяся сфера сняла «слепок ауры» Кирана, а его имя было золотыми чернилами вписано в огромную Книгу Присутствия, они наконец вышли из Зала.

— А теперь — к Директору, — сказал Орсон, и его голос впервые стал по-настоящему напряжённым. — Готовьтесь, Киран. Она видит людей насквозь.

Они прошли через лабиринт коридоров, где стены были живыми книгами, шелестящими страницами, и вошли в круглую комнату на вершине самой высокой башни. Комната была залита солнечным светом, льющим через прозрачный потолок. В центре, за столом из цельного куска обсидиана, сидела женщина.

Директор Атенеума была невысокой, хрупкой на вид, с копной совершенно седых, но густых волос, убранных в простой пучок. На ней не было расшитых мантий, только простое серое платье. Но её глаза... Они были похожи на два осколка фиолетового льда — ясные, древние и невероятно пронизательные. Казалось, она смотрит не на Кирана, а в самую его суть, в тот хаос, который он нёс в себе. Это был взгляд, который не мог выдержать ни один лжец.

— Так это и есть наш «Тектонический Выброс»? — произнесла она. Голос её был тих, но каждое слово, казалось, резонировало в самом воздухе. — Подойди, дитя.

Киран, чувствуя, как дрожат колени, сделал несколько шагов вперёд. Он встретился с ней взглядом и вдруг понял, что не может отвести глаз. Он почувствовал, как что-то тёплое и безмерно спокойное окутывает его, проникает внутрь, успокаивает бурю.

— Тебе было очень страшно, — сказала она, и это был не вопрос. — И очень одиноко. Одиночество и страх — плохие советчики, но мощные катализаторы. Твоя сила пробудилась от боли. Это самый опасный путь. — Она помолчала, изучая его. — Орсон, ты, как всегда, притащил в мой кабинет самую большую проблему Архипелага.

— Я всего лишь делаю свою работу, Изабелла, — ответил Орсон, но в его голосе не было дерзости, только усталость.

Директор встала и подошла к Кирану. Она положила свою маленькую, сухую, но удивительно тёплую руку ему на макушку.

— Ты не представляешь, кто ты, Киран Рид, — прошептала она. — И твои враги тоже пока не представляют. Но они чувствуют. И они будут искать тебя, ведомые страхом. Мы защитим тебя. Но и ты должен будешь научиться защищать себя. Твоё заикание — это замок. Мы попробуем найти к нему ключ. А теперь ступай. Тебе нужно отдохнуть. Завтра начинается твоя новая жизнь.

Она убрала руку, и Киран почувствовал себя так, словно его накрыли тёплым одеялом. Все тревоги, весь страх последних дней отступили, стали далёкими и неважными.

Когда они вышли из кабинета, Киран заметил, что в углу коридора, в тени колонны, кто-то стоит. Девочка примерно его возраста, с бледным, заострённым личиком и огромными, умными глазами цвета тёмного янтаря. Её чёрные волосы были коротко, по-мальчишески, подстрижены, а в руках она держала толстую книгу. Она смотрела прямо на Кирана с выражением жгучего, недетского любопытства. Заметив его взгляд, она не смутилась, а лишь чуть приподняла одну бровь, словно записывая его в какой-то свой внутренний каталог.

— Кто это? — тихо спросил Киран у Орсона.

Флинт, проследив за его взглядом, нахмурился.

— Лира Вонг, — ответил он. — Первая ученица с Каллиграфии. Гений. И большая головная боль для своих наставников. Говорят, она читает книги на языках, которые сама же и придумывает. Держитесь от неё подальше, по крайней мере, первое время. У неё острый ум и слишком длинный нос.

Киран ещё раз оглянулся, но девочка уже исчезла, словно её и не было. Остался только шелест страниц невидимой книги в воздухе и странное, тревожное предчувствие, что их встреча не была случайной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.